Die Idealisten der russ. Revolution.

Идеалисты русской революціи.

Е. ЛЯДОВА.

*

Первые шаги.

Берлинъ 1907.

Изданіе Ф. ГОТТГЕЙНЕРА, Берлинъ-Шарлоттенбургъ.

FRIEDR. GOTTHEINER's Verlag, Berlin-Charlottenburg.

2mx

00017

Первые взрывы.

I.

Въ лабораторіи при N. . .ской благотворительной лѣчебницѣ было очень жарко и душно. Въ воздухѣ струились газы, клубились пары, поднимавшіеся съ водяныхъ бань, шипѣли водяные насосы, горѣли газовые рожки. Было шумно и весело — такъ, по крайней мѣрѣ, могло казаться всякому свѣжему человѣку. Но занимавшіеся здѣсь люди ничего не слышали и не чувствовали. Каждый былъ погруженъ въ свое дѣло, ничего не замѣчая изъ того, что происходило кругомъ. Главный врачъ лѣчебницы Илья Марковичъ Богровъ, высокій и полный брюнетъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ большими кроткими глазами, слегка горбатымъ носомъ, бритый, съ большой лысиной и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ съ очень сосредоточеннымъ видомъ, наклонившись надъ микроскопомъ. Онъ разсматривалъ препаратъ крови, взятой имъ отъ человѣка, у котораго онъ поставилъ діагнозъ маляріи. Илья Марковичъ очень вѣрилъ въ себя. Разъ онъ поставилъ діагнозъ маляріи, то не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что малярія тутъ есть; надо только найти въ крови

зародыши этой болѣзни (т. н. малярійные плясмодіи). Найти эти послѣдніе ему нужно было не для того, чтобы удостовѣриться въ правильности діагноза, а исключительно для того, чтобы лишній — какъ онъ думалъ — разъ доказать это сомнѣвавшимся коллегамъ, которые тутъ же работали рядомъ и знали, чѣмъ занятъ ихъ шефъ.

Спиной къ Ильѣ Марковичу сидѣлъ старшій ординаторъ Петръ Ивановичъ Противорѣчинъ. На видъ можно было дать ему лѣтъ тридцать пять. На самомъ же дѣлѣ ему шелъ сорокъ шестой годъ. Высокій, худощавый, съ маленькой головой, въ очкахъ, сквозь которые видны были сѣрые добрые глаза, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, который ничего кромѣ своего ближайшаго дѣла не знаетъ и знать не хочетъ. На самомъ же дѣлѣ онъ интересовался всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ своей медицины. Онъ аккуратно являлся каждый день въ 10 часовъ утра въ лѣчебницу и все время до трехъ часовъ пополудни возился въ отдѣленіи и въ лабораторіи. Рѣдко онъ говорилъ о чемъ-либо другомъ, помимо политики. Когда ему нечего было дѣлать, онъ ходилъ по отдѣленіямъ, по лабораторіямъ, останавливаясь лишь тамъ, гдѣ разговоръ шелъ на политическія темы, безразлично кто бы ни говорилъ — больные, фельдшера, акушерки, врачи или случайные посѣтители. Обыкновенно онъ очень терпѣливо выслушивалъ, что̀ говорили другіе, а затѣмъ начиналъ излагать свои взгляды. Хотя для всѣхъ было ясно, что онъ говоритъ всѣмъ извѣстныя

вещи, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ съ такимъ паѳосомъ, какъ будто сообщалъ нѣчто весьма оригинальное и интересное. Кончалъ онъ всегда однимъ и тѣмъ-же: „ахъ, хорошо! Событія идутъ, будетъ рѣзня!“ Интонація его голоса при этомъ была такова, какъ будто рѣчь шла о чемъ-то чрезвычайно для всѣхъ радостномъ.

Онъ сидѣлъ, какъ сказано, спиной къ Ильѣ Марковичу. Такъ онъ сидѣлъ всегда, символизируя этимъ свое презрѣніе къ начальству. Собственно говоря, какъ личность онъ до нѣкоторой степени даже уважалъ Илью Марковича и очень любилъ съ нимъ бесѣдовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ ему простить того, что онъ все-таки начальство, хотя на самомъ дѣлѣ въ немъ ничего начальственнаго не было.

Сбоку отъ Противорѣчина у водопроводнаго крана стоялъ, немного сгорбившись, Петръ Алексѣевичъ Гессе, младшій ординаторъ дѣтскаго отдѣленія лѣчебницы. Ему было безъ малаго тридцать лѣтъ. Невысокаго роста, широкоплечій, коренастый, съ лицомъ, которое женщины называли божественнымъ: высокій и широкій лобъ, свѣтлоголубые уходящіе вглубь глаза, прямой носъ, тонкія слегка сжатыя губы, скрывавшіяся за жиденькими усиками, небольшой подбородокъ, поросшій небольшой жиденькой бородкой.

Коллеги между собой называли его „докторъ Эсэровъ“. Онъ принадлежалъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, среди которыхъ былъ извѣстенъ подъ кличкой „Алексѣичъ“. Популярность его среди эсъ-эровъ была громадная.

Этой популярностью даже злоупотребляли. Было извѣстно, что онъ лѣчитъ всѣхъ эсъ-эровъ даромъ и особенно удачно лѣчитъ дѣтей — къ нему и обращались разныя лица, имѣвшія сплошь и рядомъ лишь самое отдаленное отношеніе къ этой партіи. Отказа имъ никогда не было.

Популярность доктора Гессе не была дутая, какъ это можно сказать о большинствѣ дѣтскихъ врачей, играющихъ въ сущности на своемъ успѣхѣ у женщинъ. Онъ дѣйствительно былъ, несмотря на свою молодость, прекраснымъ знатокомъ дѣтскихъ болѣзней. Еще на студенческой скамьѣ, подъ вліяніемъ чтенія иностранныхъ руководствъ по дѣтскимъ болѣзнямъ — русскихъ научныхъ книгъ онъ вообще избѣгалъ — у него стали складываться особые взгляды на лѣченіе дѣтскихъ болѣзней. Когда онъ сталъ врачемъ и поступилъ въ N . . .ую лѣчебницу младшимъ ординаторомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, то послѣ перваго ознакомленія съ постановкой дѣла въ дѣтскомъ отдѣленіи онъ сразу сталъ въ оппозицію со всѣми своими старшими коллегами вплоть до главнаго врача. Поверхностное отношеніе къ дѣлу, шаблонность методовъ лѣченія, полное отсутствіе раціонализма въ прописываніи лѣкарствъ — все это заставило его отказаться отъ подражанія старшимъ коллегамъ и поставить свою палату на новыя начала, которыя онъ позаимствовалъ, изъ новыхъ заграничныхъ книгъ и журналовъ. При этомъ нельзя сказать, чтобы у него не было своей выдумки. Нѣкоторыя болѣзни онъ сталъ лѣчить по совсѣмъ новымъ, нигдѣ еще не примѣняв-

шимся способамъ — и не безъ успѣха. Вообще непримиримость съ окружающими условіями и людьми была его врожденная черта. Еще въ дѣйствѣ онъ постоянно выражалъ протестъ противъ домашнихъ порядковъ. Въ гимназіи у него вѣчно выходили исторіи со старыми учителями и особенно часто со священникомъ. Въ университетѣ съ нимъ постоянно возилась инспекція изъ-за недоразумѣній съ полиціей на фабрикахъ и заводахъ.

Въ описываемый моментъ онъ былъ занятъ наблюденіемъ надъ морскими свинками, которыя подвергались перегрѣванію. Передъ его любознательнымъ и сосредоточеннымъ взоромъ на столѣ стоялъ нагрѣвательный шкафчикъ, разгороженный на четыре камеры. Изъ каждой камеры суетливо высовывала мордочку морская свинка, быстро шевеля поздрями, какъ-бы стараясь отдышаться комнатнымъ воздухомъ.

Въ углу у вытяжного шкафа пріютился спеціалистъ-химикъ Августъ Юрьевичъ Перетцъ. На его обязанности лежало производство химическихъ анализовъ, требовавшихся для лѣчебницы. Онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, хотя лицо у него было морщинистое. Низкій лобъ, глаза безъ всякаго выраженія, слегка рыжеватые усы и бородка — все это не производило на свѣжаго человѣка впечатлѣнія, которое располагало бы въ его пользу. Но въ лѣчебницѣ всѣ относились къ нему благодушно, такъ какъ онъ былъ — что̀ называется — добрый малый

Отъ времени до времени онъ привставалъ на цыпочки, любопытно заглядывая въ колбу

которая грѣлась въ шкафу на водяной банѣ, причемъ, если жидкость принималась кипѣть слишкомъ бурно, онъ сбавлялъ пламя горѣлки подъ баней. А поправивъ горѣлку, онъ поворачивался бокомъ къ шкафу, равнодушно озираясь кругомъ.

Отворилась дверь, и вошелъ фельдшеръ Яковенко.

Яковенко нигдѣ спеціально не учился фельдшерскому дѣлу. Онъ былъ въ реальномъ училищѣ, но выступилъ изъ пятого класса, поссорившись съ инспекторомъ. Поступилъ на машиностроительный заводъ, гдѣ послужилъ года три, послѣ чего былъ принятъ въ качествѣ машиниста на казенный пароходъ. Когда ему надоѣло на пароходѣ, онъ поступилъ служителемъ въ больницу, гдѣ, ему казалось должно быть интересно. Тутъ онъ очень понравился Ильѣ Марковичу, который цѣнилъ въ немъ техническую смѣтливость и опытность. Не было такого прибора въ больницѣ или лабораторіи, котораго бы сразу не раскусилъ Яковенко. Онъ привелъ всѣ приборы и аппараты въ полный порядокъ. Въ полгода Илья Марковичъ научилъ его фельдшерскому искусству и пристроилъ затѣмъ при своемъ отдѣленіи.

— Илья Марковичъ, сказалъ Яковенко, отворяя дверь, у Петрова опять . . .

Сильный взрывъ, отъ котораго всѣ съ испуганными лицами привскочили съ своихъ мѣстъ, не далъ Яковенко окончить фразу. Вся комната наполнилась желто-бурыми парами. Брызги желтобурой жидкости безсильно опускались

внизъ, садясь на книги, микроскопы, банки, на столы, стулья, на стѣны и на полъ. Стѣны и стекла вытяжного шкафа сплошь выкрасились въ желтый цвѣтъ. Августъ Юрьевичъ отскочилъ отъ шкафа, весь блѣдный, какъ смерть и покрытый желтобурыми брызгами.

Въ первый моментъ всѣ сильно испугались, онѣмѣли и не знали, что̀ дѣлать. Скоро, однако, воздухъ прояснился, и всѣ инстинктивно подошли къ вытяжному шкафу. На днѣ шкафа валялись въ безпорядкѣ осколки стекла отъ разнесенной въ дребезги колбы; баня кипѣла желтобурой пѣной; горѣлка испускала безцвѣтное пламя, то и дѣло вспыхивавшее красными ракетами.

— Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить это безобразіе, шепотомъ, трагически дрожащимъ голосомъ, произнесъ Илья Марковичъ, но къ сожалѣнію, напрасно . . . — и вышелъ изъ комнаты.

За нимъ молча удалились и остальные.

* * *

Быстрыми шагами, сверхъ обыкновенія, выходилъ изъ лѣчебницы Перетцъ, стараясь быть никѣмъ незамѣченнымъ. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ больницы видѣлъ его такимъ блѣднымъ, смущеннымъ и съ желтыми пятнами на лицѣ. Передъ уходомъ изъ лѣчебницы онъ мылъ себѣ лицо содой, уксусомъ и спиртомъ, но безъ всякаго результата. Пятна даже не поблѣднѣли. Пришлось запрятать лицо

въ пальто и надвинуть шляпу на самые глаза. Быстро перебѣжавъ черезъ улицу, онъ поднялся на тротуаръ и зашагалъ возлѣ самыхъ домовъ, обернувшимъ къ нимъ лицомъ. Что сказать женѣ? Навѣрное будутъ приставать и Оля, и Ваня . . . Скандалъ! . . . И дернуло же колбу взорваться какъ разъ передъ уходомъ шефа. Еще минутъ пять — и все бы сошло какъ въ прошлый разъ. . . Илью Марковича легко будетъ провести. . . Скажу, что неосторожно наливалъ эфирный экстрактъ чего-нибудь . . При этой мысли лицо у него немного оживилось, и даже выступилъ румянецъ.

— Августъ, что съ тобой? съ отчаяніемъ вскрикнула Евгенія Павловна, встрѣчая мужа въ передней. — Опять брызнула какая-нибудь пакость? Бѣдный, милый! Идемъ, я тебя обмою.

— Ну, успокойся . . . пустяки. Опять этотъ дурацкій эфиръ. Голова немного болитъ. Пойду . . . прилягу.

* * *

Долго Илья Марковичъ не могъ успокоиться. Онъ быстро ходилъ по кабинету изъ угла въ уголъ, кусалъ себѣ усы и, размахивая руками, строя гримасы, думалъ вслухъ. Вотъ безобразіе . . . Просто безсовѣстно . . . Въ такомъ священномъ мѣстѣ какъ лѣчебница, куда даже непріятель не дерзаетъ стрѣлять, дѣлать такія пакости! . . . Вѣроятно, онъ не съ сегодняшняго дня занимается тутъ этимъ милымъ дѣломъ.

Еще хорошо, что не разнесъ всю лѣчебницу . . . Много ли надо? . . .

Сѣлъ и написалъ письмо:

„Многоуважаемый Августъ Юрьевичъ! Обсудивши только-что происшедшій инцидентъ, я пришелъ къ заключенію, что намъ необходимо разстаться. Ищите себѣ другого мѣста.“

Нажалъ пуговку, явился служитель.

— Отнесите, пожалуйста, письмо Августу Юрьевичу.

— Слушаю-съ.

— Отвѣта не надо.

— Слушаю-съ. Петръ Алексѣичъ спрашиваютъ, могутъ-ли вайти.

— Проси.

— Слушаю-съ.

Вошелъ Гессе, принявъ еще за дверью ту дружелюбную улыбку, которая всегда выплывала у него на лицо, когда онъ собирался разговаривать съ Ильей Марковичемъ.

— Садитесь.

Сѣлъ.

— Знаете, Илья Марковичъ, это свинство . . . правда . . . большое свинство . . . я ему говорилъ, что онъ долженъ вамъ сказать объ этомъ. Вы бы, конечно, ничего не имѣли противъ. Знаете, въ маленькихъ количествахъ это неопасно. Это онъ для своихъ соціалъ-демократовъ. Имъ нужно для вооруженія рабочихъ. . . . Пикриновой кислоты нигдѣ въ Россіи больше имъ достать нельзя — рѣшили заготовлять кустарнымъ способомъ. Онъ думалъ, что вы не

узнаете: шефъ-де не химикъ, подумаетъ, что это анализъ мочи.

— Ну, конечно! я догадался сразу, обиженнымъ тономъ сказалъ Илья Марковичъ. Еще недѣлю тому назадъ я совершенно случайно, принимая товаръ, присланный по его выпискѣ, замѣтилъ между прочими вещами пять килограммовъ дымящейся азотной кислоты. Мнѣ это сразу ударило въ носъ. Зачѣмъ ему пять килограммовъ азотной кислоты и еще дымящейся? Очевидно, ужъ онъ того. . . . Взялъ я да и спряталъ кислоту, а все остальное поставилъ ему на столъ. Думалъ — догадается и броситъ эти глупости.

— Да, онъ мнѣ говорилъ про азотную кислоту — не знаетъ, почему изъ магазина не прислали; онъ рѣшилъ, что Треповъ распорядился, чтобы большими количествами не отпускали кислотъ.

— Наивный человѣкъ. Какъ будто надо быть заправскимъ химикомъ, чтобы умѣть разбираться въ его дѣйствіяхъ. Я ужъ не говорю о томъ, что всякій больничный врачъ прекрасно понимаетъ, что больничная лабораторія не станетъ выписывать пять килограммовъ крѣпкой азотной кислоты. Но допустимъ даже, что это прошло бы мимо меня. Неужели онъ не могъ взвѣсить ту громадную отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя и возлагаетъ кромѣ того на другихъ? Хорошо, что кончилось такъ. Но вѣдь могло быть хуже . . . мы бы могли всѣ вмѣстѣ съ нашими больными взлетѣть на воздухъ. . . .

— Да, дѣйствительно, знаете, мы ужъ разъ оба чуть не взлетѣли. Это было на прошлой недѣлѣ, когда вы ѣздили въ Лугу. Онъ зналъ, что вы раньше вечера не вернетесь. Приготовленіе сульфофенала изъ карболки и сѣрной кислоты прошло у него гладко, но когда онъ сталъ нитровать, приливши сразу большое количество крѣпкой азотной кислоты, смѣсь сильно разогрѣлась. Чтобы остудить, онъ сунулъ колбу подъ кранъ. Тутъ сразу она треснула, и насъ облило цѣликомъ. Все платье пришлось бросить. Хорошо, что не попало на кожу или въ глазъ. . . .

— Все-таки я удивляюсь, не выдержалъ Илья Марковичъ, казалось бы, взрослый человѣкъ, и не понимаетъ простой вещи, что нельзя шутить со взрывчатыми веществами. Согласитесь, что сколько-нибудь благоразумный человѣкъ не станетъ браться за приготовленіе взрывчатыхъ веществъ безъ надлежащей подготовки, безъ надлежащихъ знаній. Ужасное легкомысліе! Ну, Господь съ нимъ. Надѣюсь, что онъ насъ теперь оставитъ. Пойметъ же, что ему тутъ больше не мѣсто.

— Насколько мнѣ извѣстно, онъ собирался взять отпускъ на три мѣсяца. Ему соціалъ-демократы устраиваютъ въ одной деревнѣ за Выборгомъ спеціальную лабораторію.

— Странный, однако, народъ эти эсъ-дэки, сердито проговорилъ Илья Марковичъ. — Какъ они связываютъ себя съ такими несерьезными людьми? По-моему, онъ совершенно не подходитъ къ такой роли. Все, что ему даешь для

анализа, онъ то разольетъ, то разобьетъ, и ничего у него не выходитъ.

— Но за-то онъ убѣжденный, и они могутъ на него положиться. Хорошіе химики все равно не идутъ на эти дѣла.

Послышался стукъ въ дверь.

— Войдите.

Вошелъ довольно бодро Августъ Юрьевичъ. Гессе попрощался и вышелъ.

У Ильи Марковича стали подергиваться губы.

— Что желаете сказать? произнесъ онъ раздраженно.

— Илья Марковичъ, я не совсѣмъ понимаю ваше письмо, началъ Августъ Юрьевичъ твердо, растягивая по обыкновенію слова и добродушно улыбаясь. Такое несчастье бываетъ со всякимъ. Колба была немного надтреснувшей, а я того не замѣтилъ. На-дняхъ и у васъ треснулъ стаканъ, когда размѣшивали стеклянной палочкой краску . . . обычная вещь!

Илья Марковичъ не могъ усидѣть, привскочилъ и зашагалъ быстро по комнатѣ. Онъ весь затрясся какъ въ лихорадкѣ и взволнованнымъ голосомъ закричалъ:

— Что это за мистификація? За кого вы меня въ самомъ дѣлѣ принимаете? Зачѣмъ выписали пять килограммовъ азотной кислоты?

Августъ Юрьевичъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы и, смотря тупо на полъ, не сказалъ ни слово.

— Я ее спряталъ, продолжалъ Илья Марковичъ, думая, что этимъ кончится . . . Нечего говорить о томъ, что безсовѣстно тра-

тить деньги, предназначенныя для больныхъ, на цѣли революціонныя, хотя-бы эти цѣли и были благія. Но я никакъ не постигаю, какъ можетъ у человѣка возникнуть желаніе превратить лѣчебницу въ фабрику взрывчатыхъ веществъ? Развѣ для этого лѣчебница построена? Развѣ для этого мы сюда поставлены? Какъ вы могли себѣ это позволить? И еще за моей спиной?

Августъ Юрьевичъ продолжалъ тупо смотрѣть на полъ. Лицо его все еще въ желтыхъ пятнахъ какъ-то страшно стянулось, такъ что отчетливо выступилъ скелетъ, глаза ушли вглубь, и вокругъ нихъ появилась блѣдная синева. Ильѣ Марковичу стало наконецъ жалко его. Онъ остановился посреди комнаты, и изъ глазъ какъ-то сразу хлынули слезы. Онъ вынулъ платокъ и, обтирая глаза, всхлипывая, продолжалъ:

— Я васъ не такъ виню, а виню немного и себя. Вы были предоставлены самому себѣ, увлеклись своими партійными интересами. Мнѣ слѣдовало поближе васъ держать къ себѣ и направлять всѣ ваши шаги. . . . Не удивляйтесь, что я плачу — осквернена самая дорогая для меня святыня. Кромѣ лѣчебницы, какъ это вы очень хорошо знаете, для меня ничего другого не существуетъ въ жизни. Я ей отдаю всѣ свои силы. . . .

Илья Марковичъ схватился при этомъ за голову и зарыдалъ еще громче.

— Извините пожалуйста, обратился онъ къ Августу Юрьевичу, успокоившись немного, что я вамъ устроилъ такую непріятную сцену.

— Илья Марковичъ, вы нисколько не виноваты, это все обстоятельства . . . пока орудія производства не перейдутъ въ руки трудящагося класса, до тѣхъ поръ въ Россіи не наступитъ успокоенія. Очень жалко, что обстоятельства заставляютъ поступать какъ я, но иначе нельзя . . . До свиданія!

Съ этими словами Августъ Юрьевичъ вышелъ.

* * *

Илья Марковичъ долго не могъ успокоиться. Въ головѣ у него бродили разныя мысли, и онъ не могъ съ ними совладать. Вотъ что̀ значитъ, думалъ онъ, довѣрять людямъ. Когда этотъ молокососъ первый разъ представлялся мнѣ, онъ завѣрялъ, что отказывается отъ хорошаго мѣста на заводѣ ради скромнаго лаборантскаго мѣста при больницѣ исключительно въ силу любви къ живому дѣлу. Очевидно, это все вздоръ . . . Ему нужна была безопасная ширма, за которой онъ могъ бы прятать свои партійныя дѣла. Какъ же иначе толковать? Онъ служилъ въ больницѣ уже больше года, а что-то не видно, чтобы больничное или лабораторное дѣло его сколько-нибудь серьезно интересовало. Противно . . . Но съ другой стороны вѣдь этого не избѣжишь . . . Въ общественномъ организмѣ, какъ и въ индивидуальномъ организмѣ, имѣются естественные защитники отъ чуждыхъ, вредныхъ воздѣйствій. Въ индивидѣ они зовутся лейкоцитами (бѣлыми кровяными шариками). Это герои, самой природой предназначенные для безкорыст-

ной борьбы. Залѣзетъ въ организмъ зараза — лейкоциты тутъ какъ тутъ. Завязывается борьба, и каковъ бы ни былъ результатъ послѣдней, лейкоциты падаютъ жертвой. Въ общественномъ организмѣ роль лейкоцитовъ исполняютъ Перетцы. Ничего имъ въ жизни не надо, кромѣ борьбы со всѣмъ, что̀ имъ кажется неправильнымъ . . .

Илья Марковичъ любилъ во всякомъ явленіи жизни искать выраженіе общихъ міровыхъ принциповъ. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ явленія въ жизни, какъ бы они ни казались намъ разнообразными, въ сущности суть лишь варіаціи на одинъ изъ предустановленныхъ общихъ мотивовъ. Жизнь, по его мнѣнію, есть симфонія, гдѣ переплетаются многочисленныя варіаціи всего нѣсколькихъ основныхъ мотивовъ. Отыскавши въ непріятномъ ему происшествіи основной мотивъ, онъ успокаивался. Это случилось — и иначе быть не могло. Вообще, прошедшее не существовало для Ильи Марковича въ своей реальной формѣ. Онъ оставлялъ во всѣхъ случавшихся фактахъ лишь одну идею, долженствующую служить для руководительства въ будущемъ. Въ жизни, размышлялъ онъ, идутъ рядомъ двѣ силы, отъ времени до времени сталкивающіяся между собой. Это сила стихіи и сила разума. Взаимоотношеніемъ этихъ двухъ силъ опредѣляется всѣ исторія человѣчества. Между этими двумя силами существуетъ весьма рѣзкое различіе. Стихія въ первый моментъ творенія достигла своего апогея. Стихія поэтому неизмѣнна, неспособна съ усовершенство-

ванію. Другое дѣло разумъ человѣческій. Онъ постоянно совершенствуется. Прогрессъ есть результатъ равнодѣйствующей двухъ силъ, изъ которыхъ одна перемѣнная — сила человѣческаго разума, а другая постоянная, неизмѣнная — стихійная сила. Назначеніе человѣка совершенствовать силу разума и подчинять ей силу стихіи. Перетцъ — живое воплощеніе стихійной силы. Онъ слѣпъ и глухъ и стремится лишь къ своему стихійному выраженію, и, конечно, не его вина, что онъ таковъ. Конечно, и не моя въ томъ вина. Но моя обязанность стараться умѣрить эту стихію, направить ее въ сторону разума ... хотя старанія врядъ-ли приведутъ къ чему-нибудь положительному.

Съ этими мыслями онъ вернулся домой. Тутъ его ждалъ курьеръ одного изъ министерствъ. Онъ привезъ записочку отъ его превосходительства товарища министра Умникова, у котораго онъ состоялъ пятый годъ домашнимъ врачемъ. Въ записочкѣ было сказано, что „жена не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ и была бы рада видѣть завтра вечеромъ Илью Марковича.“

— Доложите его превосходительству, что я премного благодаренъ и что пріѣду къ девяти часамъ вечера.

— Слушаю-съ, ваше высокородіе, доложу, будьте здоровеньки.

II.

Въ 9 часовъ вечера Илья Марковичъ подъѣхалъ на извозчикѣ по Троицкой улицѣ къ дому № 22. Домъ имѣлъ необычный видъ. Обыкновенно, когда Илья Марковичъ подъѣзжалъ въ это время къ дому, гдѣ жили Умниковы, всѣ окна во всѣхъ этажахъ были ярко освѣщены. Теперь почти во всѣхъ окнахъ было темно. Только тамъ и сямъ можно было разглядѣть мерцающіе огоньки.

— Ихъ превосходительство васъ ждутъ, какъ-то уныло на сей разъ шепнулъ швейцаръ Ильѣ Марковичу на ухо, приказали никого не принимать кромѣ васъ.

— А! спасибо, позвоните.

Швейцаръ нажалъ пуговку.

Открылась дверь.

Илья Марковичъ вошелъ въ переднюю и сталъ раздѣваться. Въ эту минуту изъ своего кабинета вышелъ къ нему на встрѣчу самъ товарищъ министра въ длинномъ темносѣромъ халатѣ съ синими кантами и расшитыхъ туфляхъ. Онъ, совсѣмъ еще молодой, шелъ какъ-то сгорбившись, ежась отъ холода и со сморщеннымъ лицомъ, смотря грустнымъ, унылымъ взоромъ черезъ пенснэ.

— Здравствуйте, милый другъ Илья Марковичъ, что у васъ, здоровы?

— Здравствуйте, Павелъ Корниловичъ, спасибо, ничего.

Такъ они всегда начинали бесѣду въ передней.

— Зайдите, Илья Марковичъ, ко мнѣ въ кабинетъ, побесѣдуемъ сначала. У насъ не все благополучно. Жена страшно волнуется, дѣти перепуганы, наша француженка укладываетъ вещи, ѣдетъ заграницу къ своимъ, горничная съ утра ушла на митингъ и не вернулась, кухарка наряжается, тоже идетъ на митингъ. Однимъ словомъ разгромъ! Ужасъ что такое! . . . Тутъ толстые портфели, бумаги, бумаги безъ конца . . . Просто съ ума сходишь. Побезпокоилъ я васъ затѣмъ, чтобы вы немножко поговорили тамъ съ моими, вы какъ-то умѣете ихъ успокаивать. Зайдите къ Манѣ въ кабинетъ, они всѣ у нея.

Илья Марковичъ поднялся и, не говоря ни слова, вошелъ къ Маріи Николаевнѣ.

Постучался въ дверь.

— Войдите.

— Здравствуйте, Марія Николаевна, какъ поживаете? съ почтительнымъ поклономъ поздоровался Илья Марковичъ съ женой товарища министра.

Поздоровался и съ остальными.

— Мадемуазель отъ насъ уѣзжаетъ, Илья Марковичъ.

— Да, уѣзжаю, начала m-lle Bergogné на ломаномъ русскомъ языкѣ и съ сильнымъ акцентомъ, — и совѣтую барынѣ съ дѣтьми тоже уѣзжать. Черезъ недѣлю будетъ полная революція, будутъ убивать всѣхъ министровъ, и всѣхъ ихъ товарищей, и всѣхъ богатыхъ людей, какъ это было у насъ. Читали у Тэна? Я не хочу.

Правда, Илья Марковичъ? вѣдь такъ? во всѣхъ газетахъ пишутъ. . . .

— Да полноте, мадемуазель, съ тономъ непоколебимой увѣренности въ томъ, что говоритъ, прервалъ Илья Марковичъ, никакой такой революціи у насъ не будетъ. Будетъ то, что теперь, но только лучше. Забастовки должны на-дняхъ кончиться и прервутся на продолжительное время. Если бы правительство предвидѣло, что забастовка приметъ такіе размѣры, то оно не допустило бы до этого. Теперь правительство возьмется за умъ и приметъ мѣры, чтобы ничего подобнаго не повторялось. У насъ всегда такъ . . . заднимъ умомъ крѣпки. Убійства, конечно, будутъ, но единичныя, изъза угла. Такая поголовная рѣзня, о какой говоритъ мадемуазель, была возможна во Франціи сто лѣтъ тому назадъ, но не теперь у насъ, и ужъ особенно тутъ, въ Петербургѣ. Нѣтъ, я считаю эту забастовку концомъ нашей революціи. Можете быть совершенно спокойны. Да допустимъ даже, что я говорю вздоръ, что оправдаются ужасы, которые пророчитъ мадемуазель, все-таки вы можете быть спокойны. Павелъ Корниловичъ ничѣмъ себя не скомпрометтировалъ въ глазахъ эсъ-эровъ и эсъ-дэковъ.

Пока Илья Марковичъ говорилъ, всѣ притаили дыханіе. Когда онъ кончилъ, у всѣхъ засіяли лица, засверкали глаза, и всѣ глубоко и свободно вздохнули.

— Вотъ видите, мадемуазель, Илья Марковичъ правду говоритъ. Онъ всегда вѣрно пророчитъ.

Марія Николаевна при этомъ громко зарыдала и стала цѣловать дѣтей.

— Марія Николаевна, жалобно обратился Илья Марковичъ, увѣряю васъ, ничего не будетъ. Прогоните эти мрачные призраки.

— Это я отъ радости, что все будетъ хорошо. Мадемуазель! Вы не ѣдете?

— Еще подожду.

И онѣ стали цѣловаться.

Въ этотъ моментъ вошелъ Павелъ Корниловичъ.

Поцѣловавъ жену и дѣтей, онъ взялъ подъ руку Илья Марковича и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ. Закуривъ сигару, онъ усѣлся на диванѣ и, принявъ созерцательную позу, спросилъ:

— Не думаете ли вы, что все кончено?

При этомъ онъ пытливымъ и грустнымъ взоромъ взглянулъ на Илью Марковича.

— Не знаю, Павелъ Корниловичъ, все, по-моему, зависитъ отъ того, что правительство предприметъ. Пока, мнѣ кажется, оно поступаетъ не совсѣмъ благоразумно.

— Неудивительно, знаете, почти закричалъ Павелъ Корнилычъ, зашагавъ по комнатѣ. Полтора года правительство находилось въ необычайномъ сумбурѣ. У всѣхъ все спуталось. Ни у кого нѣтъ ясности въ головѣ. Я могъ бы привести много примѣровъ. Вотъ хотя-бы вчера. Собралось на совѣщаніе нѣсколько министровъ — не буду открывать именъ — и вынесли двѣ резолюціи. Я прочиталъ и изумился: въ каждой резолюціи нѣсколько непримиримыхъ противорѣчій. Я не хочу этимъ сказать, что у

меня очень ясная голова. Но противорѣчія бросаются такъ въ глаза, что всякій ихъ замѣтитъ. — Что изъ всего этого выйдетъ — извѣстно одному Богу. Правительство само отталкиваетъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Возьмите Бобрикова. Худо-ли, хорошо-ли онъ дѣйствовалъ, не берусь судить, но вѣдь онъ дѣйствовалъ не въ своемъ личномъ интересѣ — въ своемъ интересѣ онъ могъ бы съ гораздо большей пользой дѣйствовать иначе — а въ интересѣ государственномъ. Всякій чиновникъ, умирающій на своемъ посту, совершаетъ, по-моему, большій подвигъ, чѣмъ умирающій на войнѣ. На войнѣ идетъ вооруженный противъ вооруженнаго, тутъ же человѣкъ работаетъ для общаго блага и безоруженъ. Я бы семьи пострадавшихъ полицейскихъ, городовыхъ, стражниковъ награждалъ возможно щедрѣе. Пусть знаютъ, что правительство о нихъ заботится. Что же происходитъ на самомъ дѣлѣ? Бобрикова они теперь смѣшиваютъ съ грязью — будто онъ виноватъ въ нашихъ финляндскихъ бѣдахъ, просьбы вдовъ и дѣтей пострадавшихъ на своемъ посту оставляются безъ должнаго вниманія.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Илья Марковичъ, идетъ какой-то сумбуръ. Вчера я былъ у Василія Ивановича; у него ребенокъ заболѣлъ,—вѣроятно, тифомъ. Ну, и курьезы же онъ разсказывалъ. Получаетъ, представьте, очень важную конфиденціальную телеграмму. Звонитъ въ телефонъ къ своему министру. Получаетъ въ отвѣтъ: я больше не министръ, обратитесь

къ моему бывшему товарищу. Звонитъ туда и, представьте, получаетъ категорическое рѣшеніе. Стало быть, Д. дѣйствительно назначенъ министромъ, а межъ тѣмъ въ министерствѣ ничего не было извѣстно.

— Да, хаосъ и больше ничего.

— Вотъ еще что онъ разсказываетъ интереснаго. На послѣднемъ засѣданіи въ министерствѣ въ отсутствіи министра одинъ весьма важный сановникъ потребовалъ милліонъ рублей на дома трудолюбія, ссылаясь на соизволеніе Августѣйшей Покровительницы. Совѣтъ отказалъ въ виду недостатка средствъ и ссылки на устное соизволеніе. Министръ отмѣнилъ это рѣшеніе совѣта и ассигновалъ полмилліона. Этимъ онъ закончилъ свою министерскую дѣятельность. „Я зналъ его,“ говоритъ Василій Ивановичъ, „за человѣка лѣниваго, вялаго, мало способнаго, но въ смыслѣ денежномъ считалъ его безупречнымъ; теперь немного усомнился въ послѣднемъ“.

— По этому дѣлу ничего не могу замѣтить, но могу вамъ тоже разсказать кое-что интересное. По случайному поводу заѣзжалъ къ намъ сегодня директоръ одного инженернаго института. Подаетъ въ отставку изъ-за того, что министръ своею властью закрылъ институтъ. Но это, очевидно, только предлогъ. На самомъ дѣлѣ ему, надо полагать, просто надоѣло возжаться со студентами. Разсказываетъ ужасныя вещи. Онъ, между прочимъ, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія о студентахъ. Вотъ, говоритъ, студентъ съ большимъ азартомъ произноситъ хлесткую рѣчь, громитъ

всѣхъ и все, перестраиваетъ всю Россію на новый ладъ, а гляди, завтра этотъ-же студентъ приходитъ въ канцелярію умолять о стипендіи или пособіи въ 10 рублей, и мирно уходитъ, если получаетъ отказъ. Это, знаете, относится уже къ вашей медицинской области и напоминаетъ больного въ психіатрической лѣчебницѣ, который разсказываетъ вамъ о своихъ милліонахъ, о своей непобѣдимой мощи, о своей неограниченной власти и кончаетъ тѣмъ, что проситъ у насъ папироску; и стоитъ врачу приказать ему удалиться въ палату — тотъ скромно удаляется.

При этомъ Умниковъ съ любопытствомъ взглянулъ на Илью Марковича: какое впечатлѣніе это на него произвело. Но на лицѣ Ильи Марковича ничего не было написано.

Закуривъ сигару, Умниковъ продолжалъ.

— Я очень рѣдко вижу сны; должно быть, некогда—за обиліемъ дѣла почти-что не спишь. Но вчера послѣ обѣда я какъ-то прилегъ на диванъ и задремалъ. Мнѣ приснился сонъ: на улицѣ идетъ бой . . . масса раненыхъ . . . масса убитыхъ . . . и нѣсколько труповъ очутились у насъ въ комнатахъ. Весь день мнѣ сегодня рисуются кровавыя сцены. — Премьеромъ намѣчаютъ важнаго сановника, который давно уже мечтаетъ о постѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Но врядъ-ли онъ былъ бы подходящимъ человѣкомъ. Если будетъ назначенъ Витте, то, можетъ-быть, настанетъ нѣкоторое успокоеніе; во всякомъ случаѣ не будетъ этой разрозненности, этого безволія, этого безсилія. Правда, произойдетъ перета-

совка въ министерствахъ, многіе будутъ устранены, что̀ коснется, вѣроятно, и меня, но это совсѣмъ не важно . . . личный интересъ отходитъ на самый задній планъ . . . все-таки будетъ положенъ конецъ анархіи.

Илья Марковичъ слушалъ съ глубокимъ интересомъ и вниманіемъ. Онъ какъ-бы раздвоился на это время. Съ одной стороны, онъ слѣдилъ за каждымъ словомъ, жестомъ и игрой лица своего собесѣдника, съ другой же стороны, передъ нимъ проносилась вся картина происшествія съ пикриновой кислотой. Обѣ картины хаоса — въ правительственныхъ сферахъ и въ жизни — соединялись въ его головѣ въ одно цѣльное изображеніе переживаемой смуты.

— Пусть будутъ даны, продолжалъ Умниковъ, всѣ права, я противъ этого ничего не имѣлъ бы; но правительство должно проявлять силу. Если бы вы только знали, какимъ цинизмомъ проникнуты бумаги, которыя пишутъ намъ наши же подчиненые! . . . Не хочу никого подозрѣвать, но я все-таки хотѣлъ бы знать доподлинно, какъ устроенъ весь механизмъ нашего движенія. Вы понимаете, конечно, что я хочу этимъ сказать.

— Да, да, тутъ, вѣроятно, дѣло не обходится безъ вмѣшательства нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ — особенно бывшихъ сановниковъ, отвѣчалъ Илья Марковичъ. Я увѣренъ, что каждый вчерашній министръ — сегодняшній революціонеръ, и очень опасный. Кому, если не бывшему министру, знать всѣ слабыя стороны правительственнаго механизма? И чѣмъ

больше будетъ накопляться бывшихъ министровъ, тѣмъ больше будетъ центровъ противуправительственнаго движенія. По моему мнѣнію, правительство должно пойти навстрѣчу разумнымъ требованіямъ общества.

— Должно-то должно, прервалъ Умниковъ, но весь вопросъ въ томъ, какія требованія считать разумными.

— Поговариваютъ, что на-дняхъ будетъ объявленъ какой-то манифестъ.

— У насъ въ министерствѣ тоже говорили объ этомъ, но не всѣмъ слухамъ можно вѣрить. Мой шефъ былъ вчера съ докладомъ у Государя и ничего о манифестѣ не слыхалъ. Впрочемъ, это ничего еще не доказываетъ . . . Пойдемте, поужинаемъ.

Они вышли въ столовую, гдѣ былъ накрытъ скромный ужинъ — нарѣзанная колбаса, ветчина, масло и сыръ.

— Кушайте, Илья Марковичъ, произнесъ полу-шутя Умниковъ, подавая колбасу, кушайте, пока есть что. Рухнетъ правительство, тогда у насъ, пожалуй, ѣсть будетъ нечего.

— Ну, положимъ, утѣшилъ его Илья Марковичъ, такъ скоро правительство еще не рухнетъ.

У Ильи Марковича сжалось сердце отъ боли. Еще въ прошломъ году онъ видѣлъ Умникова столь молодымъ, живымъ и жизнерадостнымъ, полнымъ надеждъ на мирную государственную дѣятельность. Каждую субботу собирались гости. Молодежъ танцовала, ставила шарады, чѣмъ очень развлекались старшіе . . .

Всѣ хорошо знавшіе Умникова надѣялись, что такой умный, необычайно образованный, почти геніальный и трудолюбивый товарищъ министра раньше или позже будетъ министромъ, и поэтому въ счетъ будущихъ благъ тратилось нѣсколько больше, чѣмъ позволяли средства. Теперь эти надежды смѣнились тревогой о хлѣбѣ насущномъ.

Ильѣ Марковичу было неловко поддерживать разговоръ на такую непріятную тему и, какъ только кончился ужинъ, онъ поспѣшилъ уйти.

Вышедши на улицу и сѣвъ на извозчика, онъ почувствовалъ какое-то оживленіе, необычное для переживаемаго времени. На тротуарахъ шли группами люди, о чемъ-то громко разсуждая. На углу улицы передъ фонаремъ собралась кучка парней, изъ которыхъ одинъ громко читалъ по печатному листу бумаги.

— Извозчикъ, что тамъ такое? спросилъ Илья Марковичъ.

— Манифестъ, баринъ, вышелъ . . . всѣ свободы даны . . . а мужичкамъ, — прибавилъ онъ, грустно покачивая головой, — земли не дали . . . обидѣли, значитъ.

Илья Марковичъ повеселѣлъ. Ну, слава Богу, подумалъ онъ, теперь настанетъ нѣкоторое успокоеніе. Онъ слѣзъ съ извозчики, подбѣжалъ къ газетчику, купилъ манифестъ, быстро прочелъ его и вернулся къ извозчику.

— Дѣйствительно, обратился онъ къ послѣднему, вашимъ мужичкамъ ничего въ манифестѣ нѣтъ; думаю, однако, что имъ напишутъ особо. Не можетъ быть, чтобы о нихъ забыли.

У Ильи Марковича въ головѣ стали воскресать впечатлѣнія дня. Никогда у него не было такого разнообразія впечатлѣній. Утромъ лѣчебница, послѣ обѣда визиты, затѣмъ опять лѣчебница — вечерній обходъ, наконецъ чтеніе иностранныхъ журналовъ — такъ проходили дни за днями. Вдругъ въ одинъ и тотъ-же день столько необычайныхъ событій.

Пріѣхавши домой, онъ прямо легъ въ постель, но долго не засыпалъ. Взрывъ пикриновой кислоты, затѣмъ сцена съ m-me Умниковой, разговоръ съ самимъ Умниковымъ, наконецъ манифестъ — все это сливалось въ одну сложную и запутанную картину, которую онъ не могъ уяснить себѣ какъ слѣдуетъ.

Онъ сталъ засыпать, и у него заработала фантазія. Ему казалось, что онъ вышелъ погулять. Въ природѣ происходило что-то необычное. Стояла тихая погода. Вдругъ подулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ. На небо надвигались тучи, которыя, чернѣя, сгущаясь и сливаясь другъ съ другомъ, принимали причудливыя формы грозныхъ чудовищъ. Того и гляди — ударитъ неслыханный громъ, засверкаетъ небывалая молнія, закрутитъ невообразимый вихрь, молотами ударитъ дождь, и все кругомъ заметется, смѣшается съ грязью. Подъ землею прошелъ трескучій гулъ, зашевелилась земля, и казалось вотъ-вотъ треснетъ почва, и все, что̀ на землѣ, перевернется подъ нее. По тѣлу Ильи Марковича при томъ пробѣжала дрожь, и онъ весь затрясся какъ въ лихорадкѣ. Онъ открылъ глаза и выглянулъ въ окно: луна, обернувшись въ про-

филь, привѣтливо, хотя и холодно, смотрѣла на него, спокойная тихая, сіяющая.

Онъ вздохнулъ спокойно, обернулся къ стѣнѣ и заснулъ, какъ будто ничего не случилось.

III.

Илья Марковичъ кончилъ утренній обходъ больныхъ и по обыкновенію отправился въ лабораторію, чтобы приняться за микроскопъ. Въ этотъ день у него было въ лабораторіи очень много работы, такъ что всѣ ординаторы давно уже покинули лѣчебницу, а онъ все еще сидѣлъ надъ микроскопомъ. Онъ работалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо былъ одинъ. Надоѣли ему эти безконечные разговоры о неудавшихся второй и третьей забастовкахъ, о погромахъ и т. п. Онъ живо всѣмъ интересовался, прочитывалъ ежедневно массу газетъ самыхъ различныхъ направленій, но терпѣть не могъ пустыхъ разговоровъ во время серьезнаго дѣла. Особенно не любилъ онъ этихъ разговоровъ въ лабораторіи, такъ какъ, съ одной стороны, тутъ необходимо сосредоточиться, а съ другой стороны, онъ всякій разъ вспоминалъ про непріятный случай съ пикриновой кислотой. Правда, Перетцъ давно уже оставилъ службу въ лѣчебницѣ, получивъ мѣсто при какой-то больницѣ въ аптекѣ, но стѣны вытяжного шкафа постоянно о немъ напоминали своими неизгладимыми бурожелтыми пятнами.

Въ данный моментъ онъ ни о чемъ постороннемъ не думалъ. Онъ былъ весь поглощенъ изслѣдованіемъ мокроты отъ паціентки изъ своей частной практики. Сегодня вечеромъ имъ было дано обѣщаніе привести окончательную резолюцію — надо или не надо ѣхать на югъ.

Тихими шагами, съ обычной доброжелательной улыбкой и сдвинутыми бровями, подошелъ къ Ильѣ Марковичу Гессе.

— Илья Марковичъ, обратился онъ мягкимъ бархатнымъ голосомъ, я хотѣлъ съ вами поговорить . . . думаю, что вы разрѣшите . . . это ничего . . . знаете . . . эсъ-эры очень нуждаются въ нитроглицеринѣ . . . разрѣшите одинъ только разъ . . . не больше . . . только одинъ разъ . . . можно было бы сегодня вечеромъ . . . знаете, когда никого не будетъ . . . никто вечеромъ не приходитъ . . . Перетцъ хочетъ прійти, чтобы заготовить триста граммовъ . . . я бы могъ дома, но нуженъ насосъ . . . одинъ разъ ничего, Илья Марковичъ? Разрѣшите? . . .

Илья Марковичъ, сдѣлавъ серьезное лицо, поднялся со стула, зашагалъ по комнатѣ и срывающимся голосомъ произнесъ:

— Петръ Алексѣичъ, я никогда вамъ ни въ чемъ не отказывалъ и теперь, конечно, тоже не могъ бы отказать. Но хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Вы знаете мой взглядъ на все теперешнее движеніе. Я совсѣмъ не сочувствую дѣйствіямъ нашего правительства и всѣми силами готовъ служить обновленію нашего государственнаго и обществен-

наго строя; но при всемъ томъ я не сочувствую и террору снизу. Я не признаю кровавыхъ средствъ борьбы, и поэтому было бы непослѣдовательно съ моей стороны, если бы я хотя косвеннымъ образомъ оказывалъ содѣйствіе изготовленію бомбъ. Далѣе этотъ Перетцъ. И чего онъ опять суется сюда? Вы помните взрывъ пикринки? Нитроглицеринъ гораздо опаснѣе пикринки. Онъ взорветъ намъ всю лѣчебницу! Подумайте только, къ чему бы это могло повести! . . . Вы можете взять на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія? . . . Я не могу . . . Наконецъ послѣднее. Допустимъ, что все пройдетъ гладко. Узнаютъ же въ концѣ концовъ и будутъ говорить, что вотъ мнѣ довѣрили выкресту лѣчебницу, а онъ тамъ устроилъ фабрику взрывчатыхъ веществъ. И навѣрное будутъ говорить. Представьте, что одинъ коллега мнѣ сказалъ на-дняхъ совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу: а я бы, Илья Марковичъ, не позволялъ своимъ фармацевтамъ дѣлать у меня бомбы. Очевидно, ему кто-то разсказалъ про нашу пикринку. Въ концѣ концовъ, все, по обыкновенію, свалятъ на еврейство. Вотъ мои соображенія, а затѣмъ предоставляю вамъ полную свободу дѣйствія.

Петръ Алексѣичъ стоялъ съ опущенными глазами и покручивалъ свои усики. На лицѣ у него была написана сосредоточенность. Онъ слѣдилъ за каждымъ словомъ Ильи Марковича, затаивъ дыханіе.

Когда Илья Марковичъ кончилъ, онъ виноватымъ голосомъ сказалъ:

— Я, Илья Марковичъ, никогда бы не сталъ васъ безпокоить, если бы можно было устроить иначе, и не сталъ бы навязывать вамъ этого дѣла, если бы требовались большія количества. А то я думалъ, что одинъ разъ можно, это совсѣмъ не опасно... Но въ виду того, что вы сказали, я, конечно, совершенно отказываюсь и напишу Перетцу, чтобы онъ не приходилъ сегодня. Только не знаю, какъ тутъ быть... Имъ очень нужно нѣсколько сотъ граммовъ...

— Есть у васъ въ комнатѣ кранъ?

— Есть, Илья Марковичъ.

— Отчего бы вамъ не приспособить насоса?

— Дѣйствительно, это очень просто... Сейчасъ поѣду въ магазинъ и куплю насосъ. Все остальное есть: сѣрную кислоту и глицеринъ выписали изъ-за границы наши университетскіе эсъ-эры на адресъ лабораторіи, а азотной кислоты еще много въ запасѣ.

— Только будьте осторожны. Читали въ газетахъ?

— Постараюсь. Простите, Илья Марковичъ, что полѣзъ къ вамъ съ такими непріятными предложеніями. Поѣду...

— Только будьте осторожны... Прощайте.

Петръ Алексѣичъ удалился немного сконфуженный. Онъ досадовалъ на себя. Развѣ трудно было догадаться заранѣе, что Илья Марковичъ не пойдетъ на такую сдѣлку? Просто не пришло въ голову, что можно устроиться такъ легко...

Оставшись одинъ, Илья Марковичъ сѣлъ за микроскопъ и сталъ разсматривать мокроту. Но онъ ничего не могъ понять. Въ головѣ у него

бродили мысли одна другой печальнѣе. Въ удивительное живемъ мы время, думалъ онъ; всюду хаосъ, въ мозгахъ людей все перемѣшалось, все стало въ противорѣчіе съ собою. Этотъ Гессе самъ осуждалъ поступокъ Перетца, теперь затѣваетъ то-же самое. Не знаешь, какъ быть . . . Не сочувствуешь террору, между тѣмъ косвеннымъ образомъ содѣйствуешь ему; видишь, что люди поступаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но ничего не можешь сдѣлать. Чудаки! Чего они могутъ достигнуть съ своими десятками, ну сотнями бомбъ, когда у правительства тысячи пушекъ, милліоны штыковъ? Чепуха . . .

И Илья Марковичъ вышелъ погулять, чтобы разсѣяться. По улицамъ разъѣзжали конные городовые, патрули, пикеты. Люди шли хмурые. Въ воздухѣ чувствовалось нѣчто тревожное.

Возвращаясь изъ города, Петръ Алексѣичъ забѣжалъ въ лѣчебницу, разыскалъ резиновыя трубки, старый предохранитель, стекляныя палочки и трубочки, завернулъ все это въ бумагу, сунулъ подъ пальто, прижалъ лѣвымъ локтемъ и пошелъ къ себѣ въ комнату. Тутъ его ждалъ уже Августъ Юрьевичъ, которому онъ тотчасъ передалъ свой утренній разговоръ съ Ильей Марковичемъ.

— Чортъ его дери, этого черносотенца, сказалъ Августъ Юрьевичъ, давайте устраивать насосъ. У васъ все есть?

— Все, что надо. Забѣжалъ въ лѣчебницу и взялъ.

Цѣлый часъ они оба возились, прежде чѣмъ не наладили. Работы было не мало. Надо было на насосъ надѣть резиновую трубку, а другой конецъ послѣдней натянуть на водопроводный кранъ и перевязать веревкой возможно крѣпче, чтобы противодѣйствовать напору воды. Затѣмъ къ боковой трубкѣ насоса надо было приладить предохранитель, чтобы вода не могла проникнуть въ сосудъ съ нитроглицериномъ. Банку съ пробкой, въ которую была проведена трубка для воздуха и воронка для азотной кислоты, Перетцъ принесъ съ собою изъ эсъ-дэковской лабораторіи, гдѣ онъ работалъ уже цѣлый мѣсяцъ со взрывчатыми веществами.

Оба они все время находились въ состояніи пріятнаго возбужденія. Перетцъ былъ доволенъ тѣмъ, что могъ пощеголять передъ коллегой эсъэромъ знаніемъ мельчайшихъ подробностей приготовленія нитроглицерина, а Гессе былъ доволенъ тѣмъ, что въ какой-нибудь часъ онъ усвоилъ себѣ всю технику того дѣла, въ которомъ онъ видѣлъ теперь единственный смыслъ жизни, единственное средство къ спасенію Россіи. Время проходило для нихъ совсѣмъ незамѣтнымъ образомъ, такъ что, когда горничная вошла съ самоваромъ, они были удивлены, что ужъ такъ поздно.

— Дуня, обратился къ горничной Петръ Алексѣичъ, самоваръ уберешь завтра утромъ, сегодня намъ больше ничего не надо.

— Ладно, баринъ, кокетливо отвѣтила Дуня, съ любопытствомъ разсматривая пристройку къ крану. Какъ-же, баринъ, мыться-то будете теперь?

– А это, Дуня, для того и сдѣлано, чтобы лучше было мыться.

При этихъ словахъ онъ отпустилъ кранъ, и вода сразу зашипѣла, прорываясь черезъ насосъ.

— Видишь, Дуня, какъ брызгаетъ? Это маленькій душъ. Сейчасъ увидишь.

— Ну, покажите.

Петръ Алексѣичъ подсунулъ лицо подъ нижній конецъ насоса, и его обдало свѣжей холодной струей пѣнящейся воды.

— Уу! взвизгнула Дуня и выбѣжала изъ комнаты.

— Напьемся чаю, предложилъ Петръ Алексѣичъ, обтирая лицо полотенцемъ, а затѣмъ приступимъ.

Усѣлись за самоваръ.

— Что ваши демократы?

— Рѣшили пока вооружаться, а тамъ посмотрятъ. Готовятъ бомбы, динамитъ, закупаютъ винтовокъ, выписали нѣсколько пулеметовъ, отвѣтилъ Перетцъ, добродушно улыбаясь. А ваши эсъ-эры?

— Вчера вечеромъ я видѣлъ главныхъ изъ комитета. Хотятъ поддержать демократовъ и кромѣ того продолжать террористическую дѣятельность. Я съ ними не согласенъ и думаю, что надо было бы выждать, что̀ предприметъ правительство . . . Они хотятъ прежде всего удалить Трёпу: у правительства—де такихъ вѣрныхъ слугъ больше нѣтъ. Ошибаются, сколько угодно! Помимо того, боятся, что революціонная волна затихнетъ.

— Эсъ-дэки не успокоятся, пока орудія производства не перейдутъ въ руки пролетаріата. Ужъ не долго ждать. Къ Пасхѣ будетъ всеобщее вооруженное возстаніе, затѣмъ пріѣдетъ Плехановъ и объявитъ временное правительство . . . увидите, что такъ будетъ! . . .

— Ну, положимъ, до этого еще далеко. Правительство такъ скоро не сдастся. Я не сочувствую программѣ эсъ-дэковъ. Чудаки они! Но поддержать ихъ нужно. Они имѣютъ огромное революціонное значеніе. Начнемъ готовить для Трёпы.

Перетцъ отмѣрилъ градуированнымъ цилиндромъ нужныя количества азотной и сѣрной кислотъ и влилъ въ колбу, основательно затѣмъ разболтавъ смѣсь.

— Вотъ, такъ хорошо, самодовольно замѣтилъ онъ, поднося банку со смѣсью кислотъ къ носу Петра Алексѣича, теперь вставимъ пробку съ тремя дырками . . . хорошую пробку дали . . . держитъ чудесно . . . не будетъ пропускать окисловъ азота. Ну-съ, дайте раздѣлительную воронку съ краномъ, термометръ и изогнутую трубку.

Петръ Алексѣичъ подалъ все это съ такимъ видомъ любопытства, который не могъ не польстить Перетцу.

— Вставимте ихъ въ дырку. Здòрово! . . . какъ у нихъ все пригнано уже . . . очевидно, спросъ большой . . . наживаются шельмы на счетъ революціи . . . недолго . . . будетъ и имъ конецъ . . .

При этомъ онъ попробовалъ, сидятъ-ли всѣ эти вещи прочно въ пробкѣ. И Петръ Алексѣичъ

былъ очень радъ, что все купленное имъ въ порядкѣ.

— Теперь давайте глицерину пятьдесятъ граммовъ.

— Вотъ-съ, готово.

— Наливаю въ воронку глицеринъ, и открываю кранъ съ такимъ расчетомъ, чтобы все количество вытекло по каплямъ въ часъ времени. Соедините изогнутую трубку съ насосомъ и пустите воду.

Петръ Алексѣичъ быстрыми движеніями отвернулъ кранъ, и тотчасъ сильная струя воды, пѣнясь и шипя, забила по раковинѣ, разбрасывая холодные блещущіе брызги во всѣ стороны.

— Чудесно. . . славная будетъ нитринка. . . Слѣдите за термометромъ, чтобы не поднимался выше 25°. Я буду взбалтывать, а вы спуститесь за снѣгомъ, надо непремѣнно охлаждать . . . чуточку надо прикрутить кранъ, а то слишкомъ быстро . . . сколько термометръ?

Петръ Алексѣичъ наклонился, сдвинулъ брови, сморщилъ глаза и сталъ отсчитывать.

— Двадцать . . . два и . . . три десятыхъ, съ растяжкой вымолвилъ онъ и выбѣжалъ за снѣгомъ.

— Живѣе, живѣе за снѣгомъ, поторопилъ его Перетцъ, разбалтывая банку.

Черезъ двѣ минуты снѣгъ былъ принесенъ, и банка въ него погружена.

— Окислы какъ вытягиваются, а?! ухмыляясь и показывая пальцемъ на насосъ, сказалъ Перетцъ.

— Да, хорошо, заискивающимъ тономъ отвѣтилъ Петръ Алексѣичъ.

— Эти проклятые окислы могутъ надѣлать много бѣдъ . . . они уходятъ въ водосточныя трубы . . свинецъ разъѣдается . . . пусть управа чинитъ . . . много они народныхъ денегъ пожираютъ . . . если окисловъ не отводить, можетъ взорвать. Вотъ видите, нитроглицеринъ всплываетъ наверхъ, какъ болѣе легкая жидкость. Черезъ полчаса сольемъ ее, промоемъ щелочью, чтобы освободить отъ примѣсей кислотъ, и, наконецъ, поставимъ въ эксикаторъ сушить. Вотъ и все.

— Какъ это просто!

— Просто, когда видишь.

— Можно будетъ нанитровать много. Матеріала достаточно. Если будетъ мало, попрошу Лёлю, онъ выпишетъ черезъ морское вѣдомство.

— Захочетъ-ли?

— Захо-очетъ! съ увѣренностью отвѣтилъ Петръ Алексѣичъ. Онъ у начальства на хорошемъ счету. На-дняхъ онъ мнѣ притащилъ изъ морской лабораторіи фунтъ гремучей ртути — надо было въ комитетъ.

— Славный малый, вашъ Лёля!

— Очень славный! Революціи не сочувствуетъ, среда, знаете, дѣйствуетъ, но если что попрошу, никогда не откажетъ. Онъ тамъ какіе-то проекты сочиняетъ, и начальство ему довѣряетъ.

Весь глицеринъ ушелъ, и нитрованіе кончилось.

— Куда прикажете вылить остатки кислотъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Неретцъ.

— Пойдемте въ ватерклозетъ.

Пошли и вылили, послѣ чего долго пускали воду . . .

— Очень, очень благодарю, теперь дѣло пойдетъ, кричалъ Петръ Алексѣичъ въ дверь удалявшемуся Перетцу.

IV.

Всѣ стали замѣчать, что Петръ Алексѣичъ худѣетъ и блѣднѣетъ и объясняли себѣ это тѣмъ, что онъ много работаетъ, переутомляется. И въ самомъ дѣлѣ, никому въ лѣчебницѣ не приходилось такъ много бѣгать и такъ много принимать людей, какъ Петру Алексѣичу. Съ самаго утра являлись въ лѣчебницу разнаго рода люди, большею частью молодые студенты, курсистки, медички, лесгафтички и т. п. Онъ уединялся съ ними въ кабинетѣ Ильи Марковича, на что̀ онъ отъ послѣдняго, подобно всѣмъ ординаторамъ, получилъ разрѣшеніе разъ на-всегда. Говорили они тамъ между собою шепотомъ, и всѣ думали, что разговоры касаются таинственныхъ болѣзней. Но Илья Марковичъ догадывался, о чемъ гости говорятъ съ Петромъ Алексѣичемъ. Онъ понималъ, что вся эта молодежь принадлежитъ къ партіи эсъэровъ и является къ „Алексѣичу“ за справками: кому нужно знать, гдѣ можно бы пріютиться пріѣзжему нелегальному; кому, гдѣ можно сегодня получить прокламаціи; кому, какъ размѣстить прибывшій транспортъ револьверовъ; кто приходилъ за нитроглицериномъ, кто за тѣмъ, чтобы узнать, когда можно было бы прійти поучиться

дѣлать нитроглицеринъ; кто приносилъ свѣдѣнія о выѣздахъ высокопоставленныхъ особъ, кто объ узнанныхъ шпикахъ и т. п. Эти постоянныя посѣщенія отнимали у Петра Алексѣича очень много времени и растягивали его обходъ палаты на 3—4 часа. На интересахъ больныхъ, впрочемъ, отвлеченія Петра Алексѣича въ сторону не отражались. Онъ такъ-же добросовѣстно, какъ и раньше, каждый день ихъ изслѣдовалъ, внимательно выслушивалъ ихъ жалобы, старательно составлялъ меню и прописывалъ лѣкарства, взвѣшивая осторожно каждое лѣкарственное начало.

Послѣ обѣда онъ надѣвалъ форменную куртку и форменную фуражку, которыя были ему присвоены какъ причисленному къ медицинскому департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ, и отправлялся въ разныя нелегальныя мѣста. Форма спасала его отъ взоровъ тайной полиціи. Переговоривши съ нужными людьми, онъ возвращался въ лѣчебницу и оставался у себя въ комнатѣ до слѣдующаго утра, безпрерывно нитрируя глицеринъ. Рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобы у него не ночевалъ кокой-нибудь нелегальный. Это обыкновенно были пріѣзжіе или проѣзжіе молодые люди, принадлежавшіе къ боевой организаціи, одѣтые съ иголочки франты, въ лайковыхъ перчаткахъ и цилиндрѣ, при тросточкѣ или зонтикѣ, послѣдняго французскаго образца, и обязательно съ сигарой самаго лучшаго качества. Если нелегальный гость замѣчалъ, что за нимъ слѣдятъ, то Петръ Алексѣичъ перекрашивалъ ему волосы передъ уходомъ или одѣвалъ парикъ и бороду и давалъ новую одежду. Въ послѣднее время, помимо

нелегальныхъ, почти каждый вечеръ приходилъ кто-нибудь учиться приготовленію нитроглицерина. Студенты, гимназисты скоро усвоивали себѣ эту довольно интересную науку. Иначе обстояло дѣло съ курсистками, медичками и гимназистками. Отъ удушливаго запаха окисловъ азота онѣ падали въ обморокъ, и приходилось обливать ихъ холодной водой. Только немногія переносили ученіе болѣе или менѣе сносно и затѣмъ могли быть полезны освободительному движенію „настоящимъ“ дѣломъ, чего въ сущности онѣ только и жаждали.

———

Долго Петръ Алексѣичъ думалъ, какъ быть съ Еленой Афанасьевной. Елена Афанасьевна Постромкина была дочь стараго генералъ-лейтенанта. Скоро послѣ окончанія гимназіи, она, несмотря на несогласіе мамы и папы, поѣхала въ Питеръ, чтобы поступить въ женскій медицинскій институтъ. Благодаря золотой медали и отчасти происхожденію, она попала туда довольно легко. Товарки ее не любили, потому что она держалась особнякомъ, а также и потому, что ее любили всѣ профессора и особенно лаборанты за „выдающуюся красоту“. Она была извѣстна какъ первая красавица въ институтѣ. Однажды въ гололедицу она поскользнулась и, упавши, вывихнула себѣ фалангу. Зашла въ ближайшую лѣчебницу, гдѣ Петръ Алексѣичъ, бывшій въ этотъ день дежурнымъ врачемъ, сдѣлалъ ей перевязку. Очень они другъ другу понравились и черезъ нѣсколько недѣль стали женихомъ и невѣстой.

До знакомства съ Петромъ Алексѣичемъ Елена Афанасьевна почти-что совсѣмъ не интересовалась политикой. Въ институтѣ ее причисляли къ группѣ дикихъ. Но послѣ двухъ-трехъ бесѣдъ съ Петромъ Алексѣичемъ она стала ярой революціонеркой. Такъ она разсказывала своимъ подругамъ. Она не могла примириться съ тѣмъ, что Петръ Алексѣичъ отдаетъ такъ много времени и энергіи революціи, а она остается спокойно на периферіи движенія. Ей хотѣлось принимать въ немъ живое активное участіе. Правда она нѣсколько разъ ѣздила, по порученію Петра Алексѣича, въ Финляндію, но это ее все мало удовлетворяло. Оставаясь наединѣ въ своей комнатѣ, она не разъ думала о томъ, что было бы хорошо пріобщить послѣднюю къ дѣлу революціи; это-де было бы совершенно безопасно, такъ какъ старуха хозяйка ничѣмъ кромѣ своей кухни не интересуется, и никто къ ней никогда не ходитъ. Отчего не устроить маленькой нитроглицериной лабораторіи? Бѣдный Петръ Алексѣичъ! онъ такъ мучается... Когда она разъ высказала свое намѣреніе Петру Алексѣичу, тотъ сначала сталъ ее отговаривать, но въ концѣ концовъ обѣщалъ подумать. Для нея было ясно, что онъ ей не откажетъ: не было еще случая, чтобы онъ отказался отъ чьихъ-нибудь услугъ дѣлу революціи.

И она не ошиблась. Когда она его спросила, рѣшилъ-ли онъ уже на-счетъ нитроглицерина, то онъ немного наколебался, но затѣмъ сказалъ рѣшительно: приди, Лёлечка, завтра въ десять часовъ вечера; скажу, чтобы никого кромѣ тебя ко мнѣ не пускали. За это онъ былъ награжденъ долгимъ и

крѣпкимъ поцѣлуемъ, чѣмъ Елена Афанасьевна обыкновенно его не баловала. Она предпочитала получать поцѣлуи, чѣмъ давать ихъ.

Ровно въ десять часовъ вечера Елена Афанасьевна постучалась къ Петру Алексѣичу.

— Ну вотъ хорошо, что ты пришла во время; сегодня нужно много работать. Въ комитетъ притекаетъ очень мало, просили поторопиться. Но видишь, безъ тебя не хотѣлъ начинать... Посмотришь съ самаго начала...

Послѣдовалъ долгій и крѣпкій поцѣлуй.

— Доволенъ?

— Спасибо, Лёлечка, давай начнемъ.

Петръ Алексѣичъ давалъ своей Лёлечкѣ самыя подробныя объясненія. Онъ разъяснялъ ей не только техническую сторону дѣла, но также внутреннюю химическую сторону, при этомъ выгрузилъ весь запасъ знаній, вычитанныхъ имъ изъ разныхъ пособій, особенно бельгійскихъ.

Больше часу Елена Афанасьевна не выдержала. У нея разболѣлась голова, и Петръ Алексѣичъ крѣпко стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ и, осыпая поцѣлуями, уложилъ на кушеткѣ.

— Полежи, Лёлечка, я все уберу, спрячу въ печку и открою окно.

Въ комнату, при открытіи окна, ворвалась свѣжая струя холоднаго воздуха, и Елена Афанасьевна стала приходить въ себя. Черезъ четверть часа она встала и принялась за самоваръ.

За чаемъ они просидѣли до трехъ часовъ ночи. Елена Афанасьевна все время молчала, такъ какъ ничего не могла возражать Петру Алексѣичу, который развивалъ съ ея точки зрѣнія весьма трезвые взгляды на настоящее положеніе Россіи и на высокое историческое значеніе, которое принадлежитъ въ дѣлѣ спасенія Россіи боевой организаціи партіи эсъ-эровъ.

За позднимъ временемъ Елена Афанасьевна осталась ночевать въ комнатѣ Петра Алексѣича. Онъ устроился кое-какъ на кушеткѣ, предоставивъ въ ея распоряженіе кровать за ширмой.

— Покойной ночи, крикнулъ Петръ Алексѣичъ.

— Покойной ночи, отвѣтила Елена Афанасьевна, буду спать какъ мертвецъ, ужасно устала...

Они заснули.

Всѣ въ лѣчебницѣ спали, за исключеніемъ дежурнаго врача, который сидѣлъ въ дежурной комнатѣ и просматривалъ послѣдніе номера научныхъ журналовъ. Въ семь часовъ утра его стало клонить ко сну, и онъ прилегъ на кушетку. Не успѣлъ онъ однако закрыть глаза, какъ былъ озадаченъ оглушительнымъ взрывомъ на второмъ этажѣ.

Онъ вскочилъ, накинулъ халатъ и бросился наверхъ. Еще на лѣстницѣ онъ почувствовалъ сильный запахъ азотныхъ окисловъ. Корридоръ верхняго этажа былъ слабо освѣщенъ тускло горѣвшей керосиновой лампой. Тѣмъ не менѣе онъ могъ совершенно ясно различить клубы желтобурыхъ газовъ, которые вырывались изъ комнаты

Петра Алексѣича черезъ открытую настежъ дверь. Скоро изъ двери выпрыгнула молодая красивая женщина въ одной сорочкѣ. Увидавъ мужчину въ халатѣ, она бросилась въ сторону, но, не сдѣлавъ и десяти шаговъ, упала съ истерическимъ крикомъ на полъ. Услышавъ паденіе, выбѣжалъ изъ комнаты Петръ Алексѣичъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и направился прямо къ мѣсту паденія. Тѣмъ временемъ дежурный врачъ заглянулъ въ комнату Петра Алексѣича: въ воздухѣ изъ печки толчками вылетали густые желтобурые пары; стѣны, полъ и потолокъ были забрызганы желтобурой жидкостью. Онъ вошелъ внутрь, задержавъ дыханіе и вышибъ окна; при этомъ онъ высунулъ голову наружу и сдѣлалъ нѣсколько глубокихъ дыханій.

Выходя изъ комнаты, онъ на порогѣ столкнулся съ Петромъ Алексѣичемъ, который его поразилъ своимъ осунувшимся, поблѣднѣвшимъ и какъ-бы постарѣвшимъ лицомъ.

— Простите, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ, знаете... не успѣлъ слить нитроглицеринъ съ кислотъ и, очевидно, нитрованіе пошло въ печкѣ дальше чѣмъ слѣдуетъ—оттого и взорвало; хорошо еще, что догадался поставить въ печку, а то бы задохнулся съ Еленой Афанасьевной... Она тамъ упала... я ее поднялъ и занесъ къ Екатеринѣ Адольфовнѣ.

Въ это время съ разныхъ сторонъ стали собираться больные, горничныя, фельдшерицы, сидѣлки. Иванъ Ивановичъ объявилъ имъ, что упала керосиновая лампа, и керосинъ загорѣлся, но, слава Богу, потушили, ходить туда нельзя, можетъ снова загорѣться.

— Брр... воняетъ, идемъ назадъ, скомандовала старшая сидѣлка, и всѣ съ визгомъ разбѣжались.

———

Весь этотъ день Петръ Алексѣичъ ходилъ очень удрученный. Съ одной стороны онъ опасался, какъ бы не узналъ о происшедшемъ Илья Марковичъ, съ другой стороны его смущалъ ужасный видъ комнаты. Но къ вечеру онъ успокоился: разъ Илья Марковичъ съ нихъ не заговариваетъ объ инцидентѣ, то, значитъ, ему ничего не извѣстно; что же касается комнаты, то онъ просилъ горничную туда совершенно не ходить, такъ какъ тамъ стоятъ ядовитыя лѣкарства, которыя могутъ ей повредить. Онъ досталъ новую колбу и часовъ въ десять вечера, вернувшись отъ Доры Крайзманъ, принялся опять за нитрованіе.

Дора Исааковна Крайзманъ была одна изъ тѣхъ педагогичекъ, которыя оказались наиболѣе выносливыми и выдержанными ученицами „Алексѣича“ по нитрованію. Молоденькая — ей всего было восемнадцать лѣтъ — и хорошенькая Дора Исааковна была дочь Херсонскаго купца и всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ пріѣхала съ братомъ-лѣсникомъ, чтобы поступить въ Женскій медицинскій Институтъ. Но туда она не попала по аттестату и поступила на педагогическіе курсы. Однако, ее больше тянуло въ сторону живого практическаго дѣла, и благодаря содѣйствію одной херсонки ей удалось попасть въ среду молодыхъ эсъ-эровъ. Въ химіи она ровно ничего не понимала, но, тѣмъ не менѣе, ей стоило лишь одинъ вечеръ

поучиться у „Алексѣича“, и черезъ три дня у нея въ комнатѣ было очень хорошо налажено нитрованіе. Выходъ нитроглицерина у нея былъ даже большій, чѣмъ у самого „Алексѣича“. Въ то время какъ у послѣдняго изъ 50 граммовъ глицерина выходило не болѣе 15—20 граммовъ нитроглицерина, у Доры Исааковной выходъ достигалъ 25—30 граммовъ. Объясняется это тѣмъ, что Дора Исааковна работала аккуратнѣе и внимательнѣе, чѣмъ ея учитель, который вѣчно торопился, и котораго постоянно отвлекали.

„Алексѣичъ“ вернулся отъ Доры Крайзманъ съ болѣе легкимъ чувствомъ, чѣмъ ѣхалъ туда съ ея братомъ, который не безъ раздраженія сообщалъ „Алексѣичу“ подробности отравленія. Такихъ неопытныхъ дѣвицъ, съ явнымъ недовольствомъ поучалъ Максъ Крайзманъ, не слѣдуетъ пускать на столь опасное дѣло; по крайней мѣрѣ, надо было ее предупредить, что нитроглицеринъ очень ядовитъ. Тогда бы она не стала пробовать его на языкъ, и не зная, въ какомъ стаканѣ глицеринъ, и въ какомъ нитроглицеринъ, она бы обратилась за разъясненіемъ къ болѣе свѣдущему человѣку, а то суетъ себѣ въ ротъ . . . „Да, это вѣрно . . . извините . . ., но если въ кровь попало меньше миллиграмма,“ утѣшалъ его Петръ Алексѣичъ, „то невѣрное пройдетъ.“ Когда они вошли въ комнату Доры Исааковны, та лежала полураздѣтая на кушеткѣ и стонала отъ сильной головной боли. Петръ Алексѣичъ положилъ ей холодный компрессъ на голову, далъ выпить два стакана воды и посовѣтовалъ пить побольше кофе. „Лѣкарствъ никакихъ не надо, такъ какъ пульсъ хорошій . . .

пройдетъ . . . очевидно попало немного . . . . меньше миллиграмма . . . черезъ два-три часа будетъ совсѣмъ хорошо . . . буду дома, въ случаѣ чего, дайте знать," волнуясь отъ радости и гладя Дору Исааковну по головкѣ, заключилъ Петръ Алексѣичъ и попрощался, торопясь домой, гдѣ къ одиннадцати часамъ у него былъ назначенъ разговоръ съ фельдшеромъ Яковенко.

Вмѣсто одиннадцати, однако, Яковенко явился въ половинѣ перваго, что нисколько не удивило Петра Алексѣича, который уже давно зналъ, что Яковенко рѣдко опаздываетъ меньше чѣмъ на $1^1/_2$—2 часа.

— Ну и запахъ же у васъ, съ обычной добродушной улыбкой сказалъ Яковенко, подавая Петру Алексѣичу руку, какъ вы не задохнетесь?

— Ничего, привыкаешь, отвѣтилъ Гессе подавая Яковенко стулъ. Вамъ, Даніилъ Кириллычъ, предстоитъ болѣе пріятная работа.

— Какая такая пріятная работа? заинтересовался Яковенко, продолжая добродушно улыбаться.

— Видите, Даніилъ Кириллычъ, эсъ-эрамъ очень нуженъ человѣкъ искусный и опытный въ техникѣ, я и рекомендовалъ васъ. Вамъ будутъ приносить все: и оболочки, и ударники, и фитильки, и гремучую ртуть, и динамитъ, и пироксилинъ и бертолетку съ сахаромъ и нитроглицеринъ, это дѣлаютъ все разныя лица, а вы будете только составлять апельсины . . . понимаете?

— Понимаю, Петръ Алексѣичъ, чертъ съ ними, съ вашими эсъ-эрами, провались они ко всѣмъ . . . но снаряжать апельсинчики я буду вамъ съ

удовольствіемъ ... интересно ... никогда не занимался этимъ, но принесите мнѣ всѣ части и ужъ соображу отлично, какъ дѣлать.

При этомъ на губахъ Яковенко зазмѣилась горделивая улыбка. Ему льстило, что таинственные эсъ-эры, тѣ великіе люди ближайшаго будущаго, которые уже управляютъ событіями Россіи, передъ которыми совсѣмъ пассуетъ старое правительство, признали его прогрессивнымъ человѣкомъ, однимъ изъ двигателей ближайшихъ событій. Его въ данный моментъ не занималъ вопросъ, для чего это боевому комитету нужны „апельсинчики“, какое изъ нихъ будетъ сдѣлано употребленіе, онъ весь былъ охваченъ радостнымъ чувствомъ человѣка, который сразу, неожиданно для себя самого сталъ на линію великихъ дѣлъ... Онъ теперь узнаетъ всѣ тайны общественнаго движенія, т. е. то, о чемъ въ газетахъ не пишутъ; онъ увидитъ въ лицо царей и генераловъ революціи! ... онъ будетъ помогать вращенію колеса общественнаго движенія!

— Не притащить-ли къ Вамъ, Даніилъ Кириллычъ, нашего „Ѳедьку“. Онъ опытный ... все Вамъ покажетъ ... знаете ... путеецъ ... аккуратный полячекъ? ...

Бросьте, Петръ Алексѣичъ, Вашего полячка ... самъ разберусь ... невидаль какая ... на военномъ пароходѣ потоньше вещи сооружалъ, обиженнымъ тономъ и не безъ гордости въ подъемѣ головы, возразилъ Яковенко.

— Только, Даніилъ Кириллычъ, надо будетъ осторожно, чтобы никто не подозрѣвалъ ... пока за нашей лѣчебницей еще не слѣдятъ ... это

знаю . . . постоянно одинъ эсъ-эръ дежуритъ на улицѣ. Не видали?

— Не безпокойтесь, Петръ Алексѣичъ, у меня никто ничего не узнаетъ. Я не вашъ Перетцъ... кстати, что съ нимъ?

— Завѣдуетъ эсъ-дэковской лабораторіей въ одной деревнѣ за Выборгомъ.

— Никого еще не убилъ тамъ? опять добродушно улыбаясь, спросилъ Яковенко.

— Пока никого, кажется. Завтра вечеромъ поѣду въ одно мѣсто и скажу, чтобы прислали все, что вамъ нужно.

— Какъ только пришлютъ, начну работать... интересно . . . штука не хитрая . . . получше вашего Ѳедьки буду работать. Пойду, не буду вамъ мѣшать. До свиданія! Спасибо!

Яковенко удалился, и Петръ Алексѣичъ принялся дальше нитровать.

Въ нѣсколько дней комната Яковенки измѣнилась до неузнаваемости. Образа, крестики, картины были сняты со стѣны, сложены въ отдѣльный ящикъ и вынесены на чердакъ. Хотя Петръ Алексѣичъ убѣждалъ его этого не дѣлать, чтобы не навлечь подозрѣнія, онъ тѣмъ не менѣе сдѣлалъ то, что имъ было рѣшено въ самомъ началѣ. Онъ считалъ неудобнымъ заряжать взрывчатые снаряды передъ образами, портретами высочайшихъ особъ и т. п. Въ углахъ были разставлены чемоданчики и ящики, по которымъ были распредѣлены принадлежности бомбъ.

Съ самаго рянняго утра къ нему приходили молодые люди и молодыя барышни, которыхъ онъ раньше не зналъ, и которые не называли себя, а ссылались только на „Алексѣича“. Разговоръ съ этими лицами бывалъ очень короткій и имѣлъ шаблонный характеръ.

— Данiилъ Кирилловичъ? спрашивалъ обыкновенно приходившій.

— Да, это я, добродушно улыбаясь, отвѣчалъ Яковенко; при этомъ онъ принималъ такой видъ, который свидѣтельствовалъ, что онъ отлично понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Это для „Алексѣича“, говорили приходившіе, подавая завернутый въ „Новое Время“ или „Правительственный Вѣстникъ“ пакетъ.

— Хорошо, передамъ, отвѣчалъ Яковенко, кланяясь.

Кто они, что они собою представляютъ эти молодые и красивые курьеры и курьерши, этого онъ не зналъ. Когда онъ однажды спросилъ объ этомъ Петра Алексѣича, тотъ отвѣтилъ, что онъ самъ ихъ не знаетъ. „У нашихъ эсъ-эровъ,“ пояснилъ онъ, „особенно у б.-о. (боевой организаціи) никто съ незнакомыми не долженъ знакомиться; каждый знаетъ только того, кто его ввелъ въ дѣло, и кого онъ самъ ввелъ; такой порядокъ необходимъ, иначе не было-бы тайнъ; но если васъ интересуютъ наши главные, то я когда-нибудь возьму васъ на засѣданіе, всѣхъ увидите.“ Это обѣщаніе вполнѣ удовлетворило Яковенко, и онъ пересталъ любопытствовать.

Въ девять часовъ вечера Яковенко уединялся въ свою комнату, которая была рядомъ съ пере-

вязочной, предварительно наклеивъ на двери записочку, что его нѣтъ дома. Сидѣлки и фельдшерицы знали, что онъ дома и занимается изобрѣтеніемъ какой-то новой электрической машинки для Ильи Марковича.

Работалъ онъ медленно, но аккуратно и старательно, прилаживалъ ударники, наполнялъ ихъ сѣрной кислотой, ввинчивалъ фитильки, наполнялъ оболочки готовыми смѣсями, послѣ чего складывалъ оболочки и тщательно закрѣплялъ и т. п.; причемъ ему постоянно приходилось исправлять тѣ или другія части, такъ какъ онѣ въ большинствѣ случаевъ приготовлялись небрежно. „Черти“, жаловался онъ нѣсколько разъ Петру Алексѣичу, „нехорошо работаютъ . . . ненадежно... и опасно. „Коли его нема“, прибавлялъ онъ по малороссійски, тыкая себѣ указательнымъ пальцемъ въ лобъ, „не дасы ума“.

Отъ времени до времени онъ за работой произносилъ свои мысли вслухъ. „Ты, братъ,“ говорилъ онъ ударнику, вдвигая его съ силой, „сиди спокойно, не лопайся раньше времени и не забастуй, когда тебя бросятъ.“ Или: „ну-съ, фитилечекъ,“ говорилъ онъ, любуясь на бѣлоснѣжную веревочку, поднимавшуюся изъ мѣднокрасной шейки на черномъ шарѣ, „когда тебя зажгутъ, ты того... фьютъ!“ При этомъ онъ подбрасывалъ апельсинчикъ кверху правой рукой и хваталъ лѣвой.

Какъ только накоплялся пятокъ готовыхъ „апельсинчиковъ“, онъ сообщалъ объ этомъ Петру Алексѣичу, радостно потирая руки и затѣмъ торжественно поднимая пятерню при всѣхъ, причемъ

многіе коллеги понимали этотъ намекъ. На другой день около полудня являлся гимназистикъ съ ранцемъ и уносилъ ихъ куда-то — но куда именно, Яковенко тщетно пытался узнать. Петръ Алексѣичъ, утѣшалъ онъ себя, возьметъ меня на засѣданіе, а тамъ . . . все узнаю.

Было двадцатое число, и къ двумъ часамъ пополудни ординаторы и фельдшера собрались по обыкновенію въ контору получать жалованіе. Пока казначей отсчитывалъ, и врачи расписывались въ книгѣ, шли по обыкновенію общіе разговоры на злободневныя темы. При этомъ уже всѣ знали, что самые крайніе взгляды будетъ высказывать Петръ Алексѣичъ. Канцеляристы, хотя и не раздѣляли въ общемъ взглядовъ Петра Алексѣича, но тѣмъ не менѣе всегда рады были слушать его бархатый голосъ и искреннія мнѣнія. На сей разъ Петръ Алексѣичъ отсутствовалъ, и канцеляристы это сразу замѣтили.

— Гдѣ это Петръ Алексѣичъ? спросилъ письмоводитель Илью Марковича, когда тотъ подписывалъ вѣдомость.

— Дѣйствительно, недоумѣвающимъ тономъ отвѣтилъ Илья Марковичъ, я его сегодня совсѣмъ не видалъ. Даніилъ Кирилловичъ, обратился онъ къ Яковенко, не видали Петра Алексѣича?

— Видалъ, Илья Марковичъ, добродушно улыбаясь, отвѣтилъ Яковенко. Имъ сегодня немого нездоровится.

— Почему не сказали раньше? съ досадой въ голосѣ, спросилъ Илья Марковичъ, я бы зашелъ къ нему. Сейчасъ, впрочемъ, пойду, надо кстати, спросить о нашемъ пнеймоникѣ.

Изъ конторы Илья Марковичъ прямо направился къ Петру Алексѣичу. Подошедши къ двери, онъ немного выждалъ, насторожившн уши, и, убѣдившись, что никого сторонняго нѣтъ, постучался и схватился за ручку. Но отвѣта не послѣдовало. Онъ постучалъ сильнѣе, но опять отвѣта не послѣдовало. Когда и послѣ третьяго разу не было отклика, Илья Марковичъ тихонько нажалъ на ручку и осторожно сталъ пріоткрывать дверь. На него пахнуло свѣжимъ холоднымъ воздухомъ. Что это значитъ? подумалъ Илья Марковичъ, и открывши быстро дверь, вошелъ въ комнату, направляясь прямо за ширмы.

Ему привѣтливо кивалъ головой Петръ Алексѣичъ, мертвенно блѣдный, худой, синюшный и медленно съ плохо скрываемымъ напряженіемъ, вытягивалъ руку изъ-подъ одѣяла.

Илья Марковичъ протянулъ ему руку навстрѣчу и ощутилъ кусокъ холодной, вялой, безсильной, тѣстоватой человѣческой ткани.

— Что съ Вами? испуганно спросилъ Илья Марковичъ, нащупывая пульсъ, какъ у васъ сердце плохо работаетъ?!

— Простите, Илья Марковичъ, началъ тихо съ длинными разстановками, съ перерывами и съ большимъ усиліемъ надъ грудью, не желавшей творить звуковъ, Петръ Алексѣичъ, знаете, пришлось всю ночь нитровать, а выливать кислоты некуда было, водопроводъ почему-то не дѣйство-

валъ . . . очень нужно было нитровать . . . вѣроятно отравленіе окислами, не нитринкой.

У Ильи Марковича, пока Петръ Алексѣичъ растягивалъ слова, видимо стараясь улыбаться, лицо покрывалось густыми складками состраданія и застыло въ одномъ выраженіи, пока тотъ не кончилъ.

— Я думаю, что у васъ отравленіе и окислами азота и нитроглицериномъ . . . Надышались . . . давайте . . . послушаю.

Илья Марковичъ наклонился и сталъ выслушивать; при этомъ лицо у него покрылось темнымъ румянцемъ и налитыми синими жилами. Онъ усиленно старался уловить характеръ дыханія, но не могъ — настолько оно было слабое и поверхностное.

— Больно дышать? спросилъ Илья Марковичъ, поднимаясь.

Петръ Алексѣичъ кивнулъ головой, стараясь улыбнуться.

— Сейчасъ принесу кислородъ, сдѣлаемъ ванну и будемъ растирать. Пройдетъ, ничего.

— Не поможетъ твой кислородъ, подумалъ про себя Петръ Алексѣичъ, когда Илья Марковичъ выбѣжалъ изъ комнаты, прощай, милый Илья Марковичъ! Бѣдный Даніилъ Кирилличъ, такъ и не увидитъ засѣданія. Милая Елена Афанасьевна, что съ тобой будетъ?

Илья Марковичъ вернулся въ сопровожденіи Яковенко. На одѣяло былъ положенъ длинный мѣшокъ, надутый кислородомъ, который Петръ Алексѣичъ долженъ былъ высасывать черезъ безвкусную трубку. Къ вечеру была сдѣлана ванна; послѣ ванны Петръ Алексѣичъ выпилъ маленъ-

кими глотками два стакана теплаго молока съ коньякомъ.

— Усните, Петръ Алексѣичъ, со скрываемой добродушной улыбкой попрощался Яковенко, слегка сжимая въ своей костлявой рукѣ холодную безпомощную руку больного. Отъ времени до времени буду къ вамъ захаживать, дверь оставлю полуоткрытой, чтобы не производить шума...

Но Петръ Алексѣичъ не могъ спать. Въ головѣ у него какъ-бы мухи жужжали, каждое дыханіе причиняло ему боль. Больше онъ ничего не чувствовалъ. Всѣ члены какъ будто-бы онѣмѣли у него, мускулы куда-то ушли, освободившись отъ связи съ его волей. Пока жужжали мухи въ головѣ, и ныли нервы дыханія, онъ ни о чемъ не могъ думать, но по временамъ наступали короткіе свѣтлые промежутки, и тогда начинала работать мысль. Я умираю, думалъ онъ, это какъ дважды два четыре . . . Дышать всю ночь окислами азота и нитроглицериномъ и затѣмъ остаться въ живыхъ силами идіотской ихъ медицины, вещь невозможная . . . Что дѣлать, такъ вышло?. . . Раньше или позже умирать, не все-ли равно . . . только жаль, что слишкомъ рано, въ началѣ — точнѣе въ подготовительномъ періодѣ революціи. Что будетъ...? Возьмутъ-ли наши верхъ, или опять на время восторжествуютъ бюрократы? Хотѣлось бы узнать . . . Э! мысленно махнулъ онъ рукой, если и восторжествуетъ эта сволочь, то не надолго. Правда должна восторжествовать надъ грубой силой бюрократовъ . . . А вдругъ дѣйствительно оживу? . . . Хорошо бы! . . . Бѣдная Елена Афанасьевна . . . что-то два дня не приходила . . .

не случилось-ли и съ ней подобная исторія? . . . Не мы, такъ будутъ другіе . . . революція должна дойти до конца: учредительное собраніе . . . федеративная республика . . . и соціалистическій строй . . . вотъ будетъ рай! . . .

Въ свѣтлые промежутки онъ думалъ все въ этомъ родѣ. Никакія другія мысли не приходили ему въ голову. Лѣчебница, наука, коллеги, родственники, знакомые, все это какъ будто никогда и не существовало для него.

Свѣтлые промежутки стали появляться все рѣже и рѣже. Илья Марковичъ и Яковенко напрягали всѣ усилія, но напрасно . . . На другой день вечеромъ Петра Алексѣича не стало, и на слѣдующее утро въ „Сынѣ Отечества“ былъ напечатанъ длинный сочувственный некрологъ д-ра П. А. Гессе, который, какъ тамъ сказано было, „умеръ въ лѣчебницѣ при исполненіи своихъ священныхъ обязанностей.“

На похоронахъ были почти всѣ врачи лѣчебницы, фельдшера и сестры милосердія и человѣкъ десять эсъ-эровъ. Елена Афанасьевна въ день похоронъ не выходила изъ дому и цѣлый день плакала.